

Раздел 2. Проблемы цивилизационной идентичности человека

UDC 140.8

DOI: 10.30936/2227-7951-2018-10-59-68

Н.М. СМИРНОВА

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

***Аннотация:** Рассмотрен эвристический потенциал (пост)неклассической методологии социального анализа и философско-методологические проблемы исследования цивилизационной идентичности. В их числе социально-онтологические основания когнитивных пределов адекватности классических методологий и эвристичности двух взаимодополнительных исследовательских стратегий: структурно-функционального и коммуникативно-смыслового подходов. Показана когнитивная специфика взаимоотношения идеального типа и реальности применительно к исследованию цивилизационной идентичности.*

***Abstract:** Heuristic power of (post)non-classical social sciences' methodology as well as special problems of civilization's identity studies have been analyzed in this paper. Both socio-ontological foundation of cognitive framework's adequacy of classic methodologies and complementarity of structure-functional and communicative-meaningful strategies have also been involved in the study. Cognitive correlation of ideal type and reality in civilization studies has clearly been demonstrated.*

Смирнова Наталия Михайловна – доктор философских наук, профессор, руководитель сектора философских проблем творчества, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: nsmirnova17@gmail.com.

Ключевые слова: общество, цивилизация, индустриальное общество (Модерн), кризис идентичности, социальные коммуникации, интерсубъективная смысловая структура.

Keywords: society, civilization, industrial society (Modernity), identity crisis, social communications, intersubjective meaningful structure.

Методологические презумпции

Императивом современной (пост)неклассической социальной методологии является требование рассматривать сложные теоретические проблемы в рефлексивном соотношении с используемыми методологическими средствами, а также с целями и ценностями субъекта социального мышления и действия. Ибо научная картина (социального) мира существенным образом зависит от когнитивных характеристик используемых подходов, задающих концептуальный каркас и ракурс интерпретации объекта познания, являясь онтологической проекцией сетки метода¹. Императивы же классической рациональности, адекватные социально-научным задачам XIX в., отнюдь не всегда соразмерны масштабам и сложности проблем социального анализа века XXI. Почему?

Классическая социальная («системосозидающая») теория, заимствующая идеалы и нормы классического естествознания, адекватна идеальному типу индустриального общества с присущей ему жесткостью социальных структур и институтов, образующих устойчивые цивилизационные «скрепы» классического Модерна. Ныне восходящий (классический) капитализм канул в Лету. Современному «мягкому» (soft, liquid) Модерну свойственна *условность социальной стратификации*. Социальный «класс», убежден крупнейший французский социолог П. Бурдьё, — не что иное, как «класс на бумаге», т.е. категория ни организационно, ни идеологически не связанных друг с другом лиц, объединенных лишь сходством налоговых деклараций. Стратификационные единицы классического Модерна — классы и социальные прослойки, скрепленные общностью социальных интересов, — теснят эвентуальные объединения, как по мановению волшебной палочки, исчезающие по завершению подчас одной-единственной публичной акции.

Но и более устойчивые социальные структуры, объединенные условностью культурного символа или ритуалами символических практик, отнюдь не всегда предполагают продолжительную и целенаправленную социально-групповую деятельность. Неотрайбализм и неоязычество, рели-

¹ См.: *Степин В.С.* История и философия науки. — М.: Академический проект, Триеста, 2011. — С. 270-288.

гиозные секты и эстетизация примитива, поглотившие уставший от бремени культуры молодежный Запад, не обошли стороной и Россию. Нарастание неoarхаических тенденций порождает цивилизационный синдром «нового средневековья». По словам У. Эко, «Средние века уже начались»².

Текучесть социальных структур liquid Modernity чревата «новой робинзонадой» – *разрушением базисных структур социально-групповой идентификации*. Невозможность самоотождествления с социальной группой и как следствие – фрагментация человеческой экзистенции – порождает специфический социально-психологический феномен, известный как «*кризис идентичности*». В свою очередь, размывание устоев социально-групповой идентификации влечет за собою заметное ослабление *коммуникативной поддержки субъективной реальности*, лишает человека социально-психологической защищенности, даруемой социальным классом, старорусской общиной или германской маркой.

Прошедший горнило Реформации и Просвещения человек европейской культуры, утратив веру в небесное покровительство, лишился и социально-групповой поддержки. «Кризису идентичности» сопутствует ощущение раскола собственного Я, обращение в «непродуктивного индивида» (А. Кара-Мурза), «одномерного человека» (Г. Маркузе), а то и вовсе в «человека без свойств» (Р. Музиль). Социальная бездомность и экзистенциальное одиночество перед лицом универсума порождает парадоксальные социально-психологические синдромы «бегства от свободы» (Э. Фромм) и «ускользания реальности».

Социально-онтологическим основанием «размягчения» социальных структур позднеиндустриального общества является масштабная массовизация современных экономически развитых обществ, классические проявления которой описаны еще Х. Ортегой-и-Гассетом. Но в отличие от классической массовизации – разложения традиционалистских структур кланово-родовой идентификации и становления социальных классов индустриального общества – «новая массовизация» (З. Бауман) подобна социальной энтропии, ведущей к деградации и обеднению социальных связей³.

«Размягчение» жестких социальных структур в «ситуации постмодерна» (Ж.-Ф. Лиотар) и «размывание» классовобразующих признаков индустриального общества инспирирует поиск новых методологий, адекватных те-

² См.: Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 258-267.

³ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – С. 176-192.

оретическому описанию «мягкой» социальной стратификации «soft Modernity». Подобный социальный запрос на преодоление «теоретической дальновзоркости» макросоциальных концепций требует обращения к анализу низовых, рутинных практик в структурах жизненного мира человека и адекватных им «смыслопостигающих» методов социального познания с гибкой настройкой на социально-культурную специфику исследуемого объекта.

Но это не значит, что классические (системосозидающие) методы социального теоретизирования следует отбросить как отжившие. Выбор исследовательской стратегии в конкретной познавательной ситуации – процесс творческий. И обусловлен он не только когнитивной адекватностью, но и (в значительной мере) – исследовательской целесообразностью, постановкой исследовательской задачи, задающей концептуальные рамки и ракурс ее предметного анализа – «структуры релевантности»⁴. Поэтому системно-структурные (макросоциальные) и коммуникативно-смысловые (микросоциальные) подходы, основанные на различных социально-онтологических допущениях, взаимодополняют друг друга, «работая» на решение различных исследовательских задач⁵.

В современной социальной методологии работают как взаимодополнительные, но пока что отнюдь не равноправные, две различные когнитивные стратегии, олицетворяющие методологические полюса философских исследований социальной реальности, между которыми – целый спектр промежуточных (гибридных) образований. Первая – структурно-функциональная⁶ – составляет мейнстрим традиционной (преимущественно позитивистской) социальной науки. В ее когнитивном фокусе – функции, выполняемые социальными структурами и институтами в поддержании целостности («социального равновесия») социального организма.

Альтернативная исследовательская стратегия исходит из понимания глубокого онтологического различия природного и социального миров, которое развитая социальная наука не может игнорировать, – презумпции того, что, в отличие от мира природы, социальный мир – это «мир, светящийся смыслом»⁷. Вне интерсубъективной смысловой структуры

⁴ См.: Шюц А. Размышления о проблеме релевантности // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с англ., сост. тома, послесл. Н.М. Смирновой. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 235–400.

⁵ Что, конечно же, не снимает задачи построения теории среднего уровня. Однако ее методологические презумпции – предмет отдельного анализа.

⁶ С известными оговорками его можно считать логическим (но не идеологическим) продолжением марксизма.

⁷ См.: Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом / Пер. с англ., сост. тома, послесл. Н.М. Смирновой. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

социальной реальности как культурного артефакта совместной человеческой деятельности просто не существует. Поэтому *коммуникативно-смысловая* стратегия сфокусировала внимание на реконструкции *смысловой структуры* изучаемого социального явления – интересубъективной структуры социально разделяемых значений, объединяющих людей в культурное сообщество (Meaningful structure of the social world).

К числу ее концептуальных вариаций следует отнести, прежде всего, «понимающую социологию» М. Вебера, символический интеракционизм (Ч.Х. Кули, М. Мид⁸), и, наконец, социальную феноменологию – когнитивный синтез понимающей социологии М. Вебера и «феноменологии жизненного мира» позднего Э. Гуссерля. Суть феноменологического проекта социального анализа состоит в установке на изучение социальных явлений с точки зрения их роли в интересубъективной системе социальных значений, или – феноменологически – в «смысловой структуре социального мира» (Meaningful structure of the social world). Интересубъективная структура социальных значений образует «фоновое», непроблематизируемое «само собой разумеющееся» (“takenforgranted”) знание культурного сообщества – седиментацию прошлого социального опыта и горизонт его типичных социальных ожиданий.

В парадигмальных рамках социальной феноменологии социальный анализ задается не традиционными научно-социологическими вопросами «сколько?» и «почему?», но: «как это возможно?» и «что это значит для человека?». Поэтому культурно-антропологическая, «человекоразмерная» составляющая «встроена» в самую суть методологических установок социально-феноменологического проекта анализа социальной реальности.

Россия в парадигме цивилизационного анализа

О России принято говорить как о стране с непредсказуемым прошлым. Это скорее остроумно, чем глубоко. Социально-феноменологический анализ учеников и последователей А. Шюца – отца-основателя социальной феноменологии – П. Бергера и Т. Лукмана⁹ свидетельствует о том, что глубокие социальные трансформации, чреватые изломами человеческой повседневности, неизбежно влекут за собою ре-интерпретацию прошлого социального опыта с высоты вновь обретенного. В основе этого процесса – потребность согласовать (привести в соответствие) новые

⁸ См.: Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок: Пер. с англ. Н.М. Смирновой, О.А. Зотова. 2-е изд., испр. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 328 с.

⁹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: Пер. с англ. Е. Руткевич. – М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. – 321 с.

социальные значения с ранее уже кристаллизованными в смысловой структуре социального мира (Meaningful structure of the social world). Поэтому рассмотренное сквозь призму наличного опыта, прошлое человека столь же «не предсказуемо», как и история целого народа.

Сегодня отечественные специалисты в области социальной философии далеки от консенсуса в определении цивилизационной идентичности современной России. Как цивилизационно атрибутировать современную социокультурную ситуацию? Объективная сложность анализа цивилизационного развития в России состоит в том, что и по сей день отсутствует консенсус по поводу теоретических рамок интерпретации данных социологических исследований, которые «сами по себе», не будучи встроены в отсутствующую на сегодня научную картину социальной реальности, не слишком информативны. Отсутствие относительно устойчивой интерпретативной схемы не позволяет создать надежную «базу данных» для построения возможных сценариев устойчивого развития.

Сложность наличной социокультурной ситуации усугубляется и тем, что ответы на извечные «русские вопросы», по сей день будоражащие российское общественное мнение («Что делать?» и «Кто виноват?»), отражают интересы различных социально-экономических сил в куда большей мере, нежели результаты непредвзятого социально-философского анализа. Это проявление борьбы «за стиль легитимной перцепции» (П. Бурдьё) — выбора концептуальной оптики анализа цивилизационной идентичности современного российского общества¹⁰.

Наконец, объективная сложность социально-философского анализа цивилизационной идентичности современной России усугубляется и тем, что наиболее зарекомендовавшие себя западные методологии — как структурно-функциональный анализ, даже и в его обновленной неофункционалистской версии¹¹, так и веберовская теория целерационального действия — не адекватны наличной социокультурной ситуации в России — как бы ее ни понимать. Ибо обе они являются элементами того образа социально-теоретического знания, который адекватен хорошо структурированному экономически и социально стабильному гражданскому обществу с развитым средним классом — классическому Модерну.

¹⁰ «Стиль легитимной перцепции» выражает расстановку социальных сил: «у кого длиннее палка, у того и больше шансов навязать обществу свою концепцию общества» [Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: Пер. с англ. Е. Руткевич. — М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. — С. 151-189].

¹¹ См.: Луман Н. Общество как социальная система // Луман Н. Общество общества / Пер. с нем. под ред. О. Никифорова, А. Антоновского. — М.: Логос, 2011. — С. 15-202.

Теория социального действия М. Вебера, например, основанная на когнитивной презумпции его целерациональности, исходит из прозрачности отношения цели и средств. Действие считается целерациональным, если агент социального действия, руководствуясь типичными мотивами в ситуации общественно-нормальных «фоновых» ожиданий, достигает поставленной цели оптимальными доступными средствами¹². В российской экономике целесредственные отношения «замутнены» множеством институционально-бюрократических посредников¹³, работающих не столько на поддержание рационального тонуса социальной деятельности, сколько в крайне узких социально-групповых интересах.

Что же касается структурно-функционалистской модели, то в современной методологии социального анализа переживающей свое второе рождение в концепции неофункционализма, социально-онтологической предпосылкой ее адекватности является наличие устойчивого и высокоструктурированного социума с четко распределенной системой *институциональных ролей*. В рамках подобной структурно-функциональной модели *культура* — падчерница российского «политического класса» — выполняет важнейшую функцию хранения и передачи (в потоке культурной трансляции) *социальных образцов* деятельности, поведения и общения. И если, согласно структурному функционализму, в основе общественной стабильности лежит баланс структур и функций социального организма, то важнейшая функция культуры в том и состоит, чтобы обеспечивать преемственность цивилизованных форм социальной жизнедеятельности, устойчивые образцы которой в условиях непрерывных изломов российской повседневности так и не сформировались.

Социально-феноменологическая концепция также неявно предполагает наличие устойчивых «типизаций»¹⁴ — относительно стабильных социокультурных паттернов, аккумулирующих социально одобренный опыт. Именно они выступают когнитивными эталонами понимания типичного социального действия в системе типичных целей и средств. Подобные образцы в условиях глубоких трансформаций российской повседневности не сформированы. «Седиментация значений» (А. Шюц) — процесс неспешный, требующий устойчивого развития и относительно стабильной повседневности.

¹² См.: Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. — М.: Прогресс, 1990. — С. 602-633.

¹³ Потемкин А.П. Элитная экономика. — М.: ИНФРА-М, 2001. — С. 352.

¹⁴ Под «типизациями» в социальной феноменологии понимаются социальные конфигурации, сложившиеся эмпирически в синтезе образцов социального опыта.

Наконец, последнее соображение относительно методологических процедур цивилизационного анализа я бы условно обозначила как *демонреификации*. Объективная сложность философско-методологического анализа проблемы цивилизационной идентичности состоит также и в том, что в социально-теоретическом познании общеметодологическая проблема соотношения реальности и идеального типа осложняется (подчас неосознанным) стремлением приписать теоретическому конструкту бытийный статус. Но идеальный исторический тип цивилизации в чистом виде невозможно обнаружить в конкретном социальном организме.

Исторический тип цивилизации – социальная конструкция, созданная «в пробирке» научно-теоретического анализа. «Эмпирический» же социальный организм является многомерным («многослойным») воплощением многообразия культурно-исторических типов социальных коммуникаций, исторически преобладавших в тот или иной период его развития. И если на уровне теоретической модели исторические типы цивилизации – традиционное, индустриальное и постиндустриальное общество – последовательно сменяют друг друга, то в социальной реальности отдельные цивилизационные пласты не только «наплывают» друг на друга, но и обладают мощным потенциалом возвратного движения (особенно в условиях «догоняющей» модернизации). Ибо любой социальный организм, во всяком случае, в Старом свете, где индустриальное общество возникало не с «чистого листа», но несло отпечаток культурно-исторической памяти, неизбежно предстает причудливой констелляцией типологических черт различных исторических типов цивилизации, образующих относительно устойчивую уникальную целостность.

В простейшем случае превращенные формы цивилизационных характеристик принимают вид сознательных культурных стилизаций (имитация одежд римских патрициев во времена Великой Французской революции, «дворянские собрания» в постсоветской России и т.п.). И в современной социокультурной ситуации можно обнаружить реликты цивилизационных характеристик традиционного и даже родоплеменного общества (неокочевничество, неоязычество, неотрайбализм и т.п.), сложным образом взаимодействующие с социальными продуктами индустриального и постиндустриального развития.

Не слишком огульно, можно предположить, что в конкретном социальном организме констелляция различных цивилизационных пластов столь же уникальна, как и отпечатки человеческих пальцев. Поэтому цивилизационно атрибутировать конкретный социальный организм можно лишь в рамках теоретически оговоренных условий. Ибо его цивилизационный статус представлен причудливой мозаикой многообразных ти-

пов цивилизационных характеристик, превращенные формы функционирования одних цивилизационных структур в условиях преобладания других, а подчас и мимикрирующие под них.

Социально-философский анализ цивилизационной идентичности предстает как отнесение к идеальному типу: распутывание узелков социальной ткани различных (причудливо переплетенных) типов коммуникаций. С идеальным типом цивилизации следует соотнести также интересующую субъективную смысловую структуру социального организма: его «ценности и жизненные смыслы» (В.С. Степин), конституирующие цивилизационную специфику исследуемого социального организма, систему его универсалий культуры.

В основе российского архетипа восприятия социальной реальности также нетрудно усмотреть симбиоз социокультурных паттернов – сложную констелляцию цивилизационных образцов социального мышления, деятельности и социальной организации. Активно внедряемые в массовое сознание стандарты рыночного поведения (индивидуализм, конкуренция и т.п.) накладываются на социальные привычки, восходящие к традиционалистской («короткой») социальной связи персонифицированного типа (коллективизм, товарищеская взаимопомощь, бескорыстие, уравнительная справедливость) и сложным образом взаимодействуют с ними.

Но постсоветский архетип не чужд и социокультурных ориентаций постиндустриального общества: гедонизма и консьюмаризма, установки которого явно контрастируют как с традиционалистской, так и с модернистской системой ценностей и жизненных смыслов. Философский подход к изучению таких феноменов – в сравнении с культурологическим, социологическим, социально-психологическим, также имеющим в них свой предмет, – состоит в выявлении и анализе их цивилизационной «многослойности» и изучении дифференцированного воздействия различных цивилизационных пластов на направление и характер протекания социальных процессов. В эффективности социально-философского анализа цивилизационной идентичности современной России и состоит залог нашей способности адекватно ответить на вызовы постсовременности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Индивидуализированное общество /Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: Пер. с англ. Е. Руткевич. – М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. – 321 с.
3. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

4. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок: Пер. с англ. Н.М. Смирновой, О.А. Зотова. 2-е изд., испр. — М.: Идея-Пресс, 2001. — 328 с.
5. Луман Н. Общество как социальная система // Луман Н. Общество общества / Пер. с нем. под ред. О. Никифорова, А. Антоновского. — М.: Логос, 2011. — 640 с.
6. Потемкин А.П. Элитная экономика. — М.: ИНФРА-М, 2001. — 360 с.
7. Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. — М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. — 400 с.
8. Степин В.С. История и философия науки. — М.: Академический проект, Трикта, 2011. — 423 с.
9. Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. Избранное. — М.: Академический проект, Альма Матер, 2015. — 542 с.
10. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом / Пер. с англ., сост. тома, послесл. Н.М. Смирновой. — М.: РОССПЭН, 2004. — 1056 с.
11. Шюц А. Размышления о проблеме релевантности // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с англ., сост. тома, послесл. Н.М. Смирновой. — М.: РОССПЭН, 2004. — 1056 с.
12. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. — 1994. — № 4. — С. 258-267.

BIBLIOGRAPHY

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo / Per. s angl. pod red. V.L. Inozemtseva. — М.: Logos, 2002. — 390 s.
2. Berger P., Lukman T. Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya: Per. s angl. E. Rutkevich. — М.: Academia-Tsentr, Medium, 1995. — 321 s.
3. Veber M. Osnovnyye sotsiologicheskie ponyatiya // Veber M. Izbrannyye proizvedeniya / Per. s nem. sost., obshch. red. I poslesl. Yu.N. Davydova. — М.: Progress, 1990. — 808 s.
4. Kuli Ch.Kh. Chelovecheskaya priroda i sotsialnyy poriyadok: Per. s angl. N.M. Smirnovoy, O.A. Zotova. 2-e izd., ispr. — М.: Ideya-Press, 2001. — 328 s.
5. Luman N. Obshchestvo kak sotsialnaya sistema // Luman N. Obshchestvo obshchestva / Per. s nem. pod red. O. Nikiforova, A. Antonovskogo. — М.: Logos, 2011. — 640 s.
6. Potemkin A.P. Elitnaya ekonomika. — М.: INFRA-M, 2001. — 360 s.
7. Smirnova N.M. Sotsialnaya fenomenologiya v izuchenii sovremennogo obshchestva. — М.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2009. — 400 s.
8. Stepin V.S. Istoriya i filosofiya nauki. — М.: Akademicheskii proekt, Trikshta, 2011. — 423 s.
9. Stepin V.S. Filosofskaya antropologiya i filosofiya kultury. Izbrannoe. — М.: Akademicheskii proekt, Alma Mater, 2015. — 542 s.
10. Shyuts A. Izbrannoe: mir, svetyashchiysya smyslom / Per. s angl., sost. тома, poslesl. N.M. Smirnovoy. — М.: ROSSPEN, 2004. — 1056 s.
11. Shyuts A. Razmyshleniya o probleme relevantnosti // Shyuts A. Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom / Per. s angl., sost. тома, poslesl. N.M. Smirnovoy. — М.: ROSSPEN, 2004. — 1056 s.
12. Eko U. Srednie veka uzhe nachalis // Inostrannaya literatura. — 1994. — № 4. — S. 258-267.

Поступила в редакцию 15.01.2018 г.